

На правах рукописи

Кащеев Сергей Иванович

Онтология свободы: рациональные модели и повседневность

09.00.01 Онтология и теория познания по философским наукам

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Саратов — 2013

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

Научный руководитель доктор философских наук, профессор Невважай Игорь Дмитриевич

Официальные оппоненты:

Беляев Евгений Иванович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теоретической и социальной философии ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г.Чернышевского»;

Крянев Иван Константинович, кандидат философских наук, доцент кафедры «Социально-гуманитарные науки» Саратовского государственного аграрного университета имени Н.И.Вавилова

Ведущая организация ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет»

Защита диссертации состоится «14 декабря» 2013 г. в 16 часов на заседании диссертационного совета Д 212.243.09 при Саратовском государственном университете имени Н.Г. Чернышевского по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, XII корпус, ауд. 203.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

Автореферат разослан «_____» _____ 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Листвина Е.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Категория свободы является одной из наиболее универсальных и глобальных философских категорий. Различные интерпретации этого понятия приводят к появлению самых разнообразных философских течений, направленных на выяснение степени свободы человека в окружающем мире и саму возможность реализации этой свободы. Актуальной, таким образом, эта проблема будет являться в любой момент времени. Однако всегда повышенный интерес к проблеме свободы возникает в переломные эпохи, в моменты глобальных исторических перемен. Крушение и становление империй, изменение политического строя или рождение новой мировой религии — именно в это время проявляется всплеск интереса к вопросам, так или иначе связанным с проблемой свободы.

Именно такой момент переживает сейчас российское общество. Изменение политической ориентации, начавшееся в середине восьмидесятых годов прошлого века, привело к исчезновению с политической карты мира одной из двух супердержав, и последствия этого события до сих пор продолжают оказывать влияние на исторические процессы современности. Экономические и политические кризисы, следующие один за другим, резкое изменение идеологии, «аксиологическая революция», произошедшая в России — все это дает толчок к повышенному интересу к мере своей свободы и ответственности как у отдельных индивидуумов, так и у российского общества в целом. Отсюда следует и повышенный интерес в настоящее время к различным философским, религиозным, а зачастую — и к псевдофилософским эзотерическим учениям и различным оккультным течениям. На такое явление обращал внимание еще Ф. Энгельс, когда писал, что во времена всеобщего разложения, — как, например, и теперь, — повсюду встречается широкое распространение философии и религиозной догматики в опошленной, вульгаризированной форме. Крах государственной идеологии неизбежно должен был привести к появлению различных сект и культов, в которых человек пытается обрести понимание своего нового статуса и меры своей свободы и ответственности. Декларирование прав и свобод, часто даже в ущерб принципу ответственности, стало привычным явлением. Падение «железного занавеса» позволило реально осуществлять право на передвижение, развитие информационных технологий обеспечило поддержку права на информацию и т.д. Отсюда, казалось бы, должно вытекать увеличение «количества свободы на душу населения», однако именно эта проблема и является наиболее актуальной сейчас. Что понимать под свободой? Какую именно свободу мы имеем в виду, говоря о ней в рамках философского дискурса? Как осуществление свободы связано с онтологическим статусом человека и его самоактуализацией и самосознанием? Вот далеко не полный перечень вопросов, которые обязательно должны возникать в современном российском социуме,

поскольку глобальные перемены, происходящие в нем, с необходимостью отражаются в их философской рефлексии.

Актуальность данной темы, однако, не исчерпывается только лишь проблематикой сегодняшнего дня. Любое философское исследование должно ставить определенные проблемы, касающиеся «вечных философских вопросов». На вопрос «что такое свобода в онтологическом понимании этой категории» нельзя ответить, не касаясь проблемы онтологической сущности человека, не исследуя то пространство, в котором происходит развертывание этой сущности и основных метрик этого пространства. Онтологический статус человека как совокупность условий и принципов его бытия является предметом исследования практически всех философских исследований. Таким образом, тема данной работы оказывается актуальной главным образом с точки зрения анализа места и принципов свободы человека в том пространстве, в котором осуществляется его бытие. Такое пространство можно назвать гуманитарным онтологическим, т.е. совокупностью тех полей и сфер, в которых можно выделить существенные характеристики человеческого бытия. Свобода, в связи с этим, оказывается нуждающейся в определенной обеспеченности условий, которым такое пространство должно соответствовать. Исследование таких условий в разные эпохи приведет нас к различным результатам, но методология этого исследования окажется актуальной вне зависимости от привязки к каждому конкретному историческому моменту и конкретному обществу. Исследование данной темы, таким образом, должно выстраивать определенный методологический ряд, применимый не только к современному обществу, но и к пространству бытия человека вообще. Не требует доказательств тот факт, что проблема онтологического статуса человека является актуальной для любого философского исследования, в какую бы эпоху оно не происходило.

Степень разработанности проблемы.

«Рационализация нерационализируемого» достаточно часто встречается в философии. Попытки рационализировать принципы свободы не прекращаются со времен античности. Однако в полной мере необходимость философского осмысления онтологических принципов эмансипации проявилась в современную эпоху. В первую очередь необходимо обратиться к работам таких философов, как М.Фуко, Ж. Лакана, Р. Барта, В. Подороги и других представителей структурализма и постструктурализма, которые ввели в философский обиход понятие дисциплинарного пространства культуры и определяли способы преодоления этого дисциплинарного закрепощения¹. Также следует выделить произведения таких представителей экзистенциализма и психоанализа, как А. Камю и Э. Фромм. Камю анализирует попытку эмансипации при помощи социального бунта, который может приобретать различные формы. Фромм производит разделение двух типов свободы (позитивная — или «свобода для», и негативная — или «свобода от»), которое коррелирует с проводимым

---

¹ См: Фуко М. Забота о себе. Киев-Москва, 1998, Подорога В. Феноменология тела. М., 1995.

в настоящей работе разграничением креативного и деструктивного пространств свободы.

Такие исследователи как М. Шелер, А. Шюц, Б. Вальденфельс рассматривали категорию свободы в применении к повседневному человеческому бытию, определяли структуру и онтологический смысл повседневности.

М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев показывали пути выхода за пределы этого пространства при помощи методов карнавальной культуры и «смеховой антикультуры».

Работы авторов, придерживающихся направления философии языка, таких как Л. Витгенштейн, Дж. Марголис и др., показывают условия, необходимые для осуществления человеческого бытия в рамках языкового поля.

Все вышеперечисленные работы относятся к онтологическому статусу человека в рамках дисциплинарного пространства культуры и рассматривают возможности преодоления закрепощающего начала. Выход за пределы этого пространства проявляется в различных формах, так, Й. Хейзинга показал игровые начала творчества как один из методов преодоления дисциплинарного воздействия культуры², Р. Барт указывает на литературу как средство преодоления закрепощающего влияния языка, М. Хайдеггер показывает в качестве такого средства искусство³.

Философский анализ категории свободы затруднен еще и тем, что к этой проблеме обращаются философы всех эпох. Попытки рационального осмысления свободы и создания ее моделей начинаются еще в античности, причем уже тогда они носят неоднозначный характер. Изначально свобода воспринимается как категория, противопоставляемая судьбе, року, фатуму. Такой подход вообще характерен для мифологического мировоззрения (миф об Эдипе рассматривается во второй главе настоящей работы). С этой точки зрения свобода представляется недостижимой, ибо «даже боги не выше судьбы». Однако философия античности, преодолевая мифологичность, создает иные модели свободы, в частности, у Аристотеля она понимается как свобода от политического деспотизма. Тем не менее, говорить об онтологическом понимании свободы в эту эпоху не приходится, т.к. там, где есть онтология свободы (Платон, Эпикур, стоики), нет самой свободы; она недостижима и непостижима, там же, где свобода рассматривается именно в качестве имманентно присущей человеку, онтологическое понимание подменяется политическим и правовым. Неоценимым вкладом античности является задание некоей методологической парадигмы рассмотрения свободы именно в политическом ключе, в рамках которой условием существования действительной свободы одних является рабство других. Позднее именно эта методология приведет к открытию знаменитой формулы «моя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого». И все же

---

² Хейзинга Й. Homo Ludens. М., 1997.

³ Хайдеггер М. Истое художественного творения // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.,:»Гнозис«, 1993

до осознания онтологичности свободы античность не поднимается, как не поднимается до него и Средневековье.

В эпоху господства религиозного мировоззрения свобода не могла пониматься иначе как соотнесенной с понятиями греха и благодати. «Свобода от греха» - она же и «свобода для спасения». Однако в это время происходит изменение в попытках рационального осмысления свободы, в эти модели привносится элемент иррационализма, который будет развит значительно позднее — в конце 19 — первой половине 20 в. Впервые на смену предопределенности судьбы приходит понятие свободы воли. Это уже можно рассматривать как первое приближение именно к онтологическому пониманию свободы, социальные, политические, правовые способы рассмотрения отходят на второй план, вычлняя главное — человек свободен, ибо ему дано право выбора между добром и злом. Свобода воли — неотъемлемое, имманентное качество человека, тем не менее, можно говорить об онтическом, но не онтологическом ее понимании. Безусловное признание имманентности свободы человеку делает ее именно онтической категорией, она понимается как одно из фундаментальных оснований человеческого бытия. Вопросы же о причинах и условиях ее существования не только не могут быть разрешены — они в принципе даже не могут быть поставлены, ибо высшей причиной, условием и возможностью существования свободы является Бог.

Однако в средневековой философии появляется в качестве одной из основных проблем направление исследования, в котором свобода человека занимает центральное место. Речь идет о теодицеях.

Оправдание Бога возможно лишь в случае признания человеческой свободы высшей ценностью, в ином случае божественная всеблагость с необходимостью ставится под сомнение. Бог, являясь причиной мира, является и причиной свободы как онтической категории. Она является сущностной, поскольку имманентно присуща человеку, но не онтологической, поскольку, как указывает Левицкий, «...свобода есть такое отношение субъекта к его актам, при котором акты эти определяются в качестве решающей причины самим субъектом»⁴. Отнесение же причины самой свободы к Богу, высшему началу, представляет собой основу для «парадокса свободы» — причина свободного выбора человека лежит вне его самого, следовательно, свободный выбор не является свободным. Как и в античности, в эпоху средневековья онтологическое рассмотрение свободы невозможно, ибо с неизбежностью приводит к попыткам рационализировать нерационализируемое.

Дуализм рационального и иррационального определяет особенность средневековой модели свободы; именно в силу этой двойственности она не может подняться до онтологического понимания, задавая, тем не менее, еще одну методологическую парадигму исследования. Строжайшая регламентация повседневной жизни средневекового человека не является

---

⁴ Левицкий С.А. Трагедия свободы. Сочинения, т.1. М., 1995. С. 129

препятствием к проявлению свободы воли, но, являясь «областью прорастания рационального», препятствует созданию непротиворечивых рациональных моделей свободы.

Рационализм эпохи Просвещения наибольшее внимание уделяет политической и правовой трактовке свободы, однако в это время появляются и первые онтологические подходы к анализу этой категории, например, у Б. Спинозы: «Свободной называется такая вещь, которая существует по одной только необходимости своей собственной природы и определяется к действию только сама собой»⁵.

В этом небольшом отрывке уже присутствуют элементы анализа категории «свобода», призванные выделить не сам факт ее существования или имманентности, но и определяющие причины ее возникновения. Тем не менее, основное направление исследования свободы продолжает аристотелевскую традицию и рассматривает эту категорию именно как взаимосвязь свободы одного со свободой всех, составляющих данное конкретное общество. Иное понимание, видимо, невозможно в рамках господствующей теории общественного договора, исследованию которой отдали дань многие философы этого времени: «В работах английских и французских мыслителей К. Гельвеция, Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо проблема свободы ставилась и решалась, как правило, в контексте теории общественного договора, где права человека на жизнь, свободу и ответственность раскрывались как «естественные права» человека»⁶. Если же вернуться к трактовке Спинозы, то можно отметить, что и в данном случае не столько о самой свободе, сколько о ее проявлениях, в то время как «Свобода по смыслу своей сущности предшествует совершаемым свободно актам, ибо свобода первичнее своих проявлений. Выражаясь афористически, свобода предшествует бытию. В этом смысле свобода есть не бытие, а безосновная основа бытия»⁷. Подобная первичность свободы оказывается еще одним препятствием на пути рационализации.

Впервые подлинную онтологичность в рациональных моделях свободы мы встречаем в немецкой классической философии, и первой завершенной моделью является, безусловно, модель И. Канта.

Кант рассматривает свободу как категорию, неотторжимую от понятия закона и долженствования. Формулировка категорического императива, требующая поступать согласно той максиме, которая способна стать всеобщим законом, является в то же время и формулировкой условия возникновения и существования свободы. «Нравственный закон во мне» задает то поле, в котором только и возможно существование свободы, более того, определяя необходимость поступка, он делает этот поступок свободным, ведь сам закон — не принуждение, а подлинно свободное долженствование. Человеческая воля — единственная причина поступка, но

---

⁵ Спиноза Б. Этика // Спиноза Б. Избранные произведения. М., 1957. Т.1. С. 362

⁶ Завьялова Г.И. Философский анализ трансформаций свободы (логико-исторический аспект). Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Оренбург, 2005. С. 16

⁷ Левицкий С.А. Указ. соч. С. 133.

принятие закона — также поступок, следовательно, устанавливая границы собственной свободы, человек тем самым поднимается на ее высший уровень — уровень разумного предопределения необходимости.

Продолжение и развитие кантовской традиции можно проследить у Фихте и Шеллинга. Первый выделяет несколько этапов в развитии человечества, на которых происходит формирование свободы, второй указывает на противоречивость категории свободы, связанную с исторической деятельностью людей.

Грандиозная попытка построения завершенной и всеохватывающей модели свободы была предпринята Гегелем. В своих работах «Феноменология духа», «Философия истории» и др. он пытается объединить исторический, политико-правовой и собственно онтологический подходы. Дух как основа бытия и в то же время его конечная цель замыкает в себе возможность существования свободы, но, будучи воплощенным и требующим продвижения, он проявляет свою свободу (которая одновременно является имманентным свойством и целью как конкретного человека, так и общества) в необходимости восхождения к его высшей ступени. Тождество бытия и разума дает принципиальную основу существования свободы именно в ее онтологическом понимании. Вся история человечества рассматривается Гегелем, наряду с историей философии и собственно философией, как восхождение к свободе.

В качестве идеальной модели попытка Гегеля была, пожалуй, наиболее завершенной и непротиворечивой, однако хорошо известны возражения, приводимые его философии, со стороны как Маркса, так и Ницше. Оба этих, на первый взгляд, совершенно разноплановых мыслителей, по сути, критикуют гегелевскую систему с одних и тех же позиций, ставя под сомнение исходный тезис «Все разумное действительно, все действительно разумно». Абсолютизация рациональности делает эту модель логически непротиворечивой, но не способной объяснить существование (или несуществование) свободы «здесь и теперь», свободы не абстрактного субъекта, совершающего восхождение по ступеням духа в ходе исторического развития, а конкретного человека, живущего в конкретном обществе, «эмпирического индивида».

Попытки создать рациональные модели свободы порой вступают в прямое противоречие с онтологическими конструкциями. Таким образом, например, ставит вопрос о свободе С.А. Левицкий, анализируя некоторые из таких моделей.

В первую очередь это касается различных систем детерминизма: «... некоторые философы, например, Николай Гартман, считают, что целевая детерминация в природе неизбежно ограничивает свободу человека»⁸. «По учению Шопенгауэра, в мире как представлении (мире явлений) не может быть и речи о какой-либо свободе — здесь непреложно царствует закон

---

⁸ Там же, с.72

причинности»⁹. То же самое можно сказать и о любых других видах детерминизма — механистическом детерминизме Лапласа, экономическом детерминизме Маркса, биологическом детерминизме Фрейда и т.д.

Для введения в такие системы категории свободы используются различные способы. Один из них — субстанциальный, при котором действие закона причинности относится лишь к внешним проявлениям бытия — акциденциям, «Субстанция же по своей вневременной природе не задается причинностью»¹⁰. Достаточно ли такого перехода в рассмотрении вопроса о свободе, чтобы считать его исчерпанным? Разумеется, нет, поскольку с одной стороны, как указывает сам Левицкий, в этом случае мы попадаем в еще более серьезную зависимость, ибо субстанция не может соотноситься с целями и ценностями человека, напротив, все проявления человеческого бытия должны соотноситься с ней. Однако при таком рассмотрении появляется возможность и другого толкования природы свободы: «Есть два понимания субстанции: одно, традиционное, - как неизменного субстрата изменений, и другое — как творческого источника своих изменений... И только такое творческое понимание субстанции дает возможность понять ее как носителя свободы»¹¹.

Итак, детерминизм как основополагающий ограничительный фактор преодолевается при помощи категории субстанции, причем эта последняя понимается в качестве творческого начала. Именно творчество выступает в качестве неперемного условия существования свободы. Такой подход представляется гораздо более предпочтительным, нежели индетерминизм, полностью отрицающий категорию причинности, а, следовательно, и необходимости. Бесконечное количество возможностей индетерминизма фактически ничем не отличается от отсутствия таких возможностей, ведь воплощением такой бесконечности может быть лишь Бог.

Работа Левицкого дает широкую панораму попыток построения рациональных моделей свободы и их критику. В качестве основных недостатков, присущих таким моделям, постулируются попытки свести «сверхсознательный, сверхрациональный характер свободы» к строгой рациональности. Однако и сам автор подобной критики пытается осуществить рационализацию нерационализируемого, поскольку при метафизическом подходе, используемом им в качестве методологической основы, он с неизбежностью принужден скатываться к описанию трансцендентального объекта, которым оказывается свобода при таком рассмотрении.

Неудивительно поэтому, что, по мнению Левицкого, «...свобода ярче всего проявляется в начале и в конце — в зачатии и рождении, с одной стороны, и в завершении — с другой. Всякое бытие начинается в рождающей

---

⁹ Там же, с. 78

¹⁰ Там же, с. 74-75

¹¹ Там же, с. 82.

темной свободе и раскрывает свои конечные потенции в исполняющей, освобождающей свободе конца»¹².

Онтология свободы замыкается у Левицкого в метафизике, хотя и делается попытка проследить диалектику понятия «свобода» от «темной» до «светлой»; однако категория творчества как основы существования, сущности и проявления свободы призвана разомкнуть это ограничение.

Объект исследования: свобода как фундаментальная характеристика бытия человека.

Предмет исследования: способы эмансипации человека в рамках объективно данных социокультурных связей.

Цели и задачи исследования

Основной целью данного диссертационного исследования является анализ возможности проявления свободы в гуманитарном онтологическом пространстве.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач

- выделить проблемы осмысления свободы в рамках классической рациональности.

- определить структуру гуманитарного онтологического пространства, выявить те его поля, в которых существование свободы невозможно или ограничено («дисциплинарные области»);

- метрицировать эти дисциплинарные области;

- показать пути выхода за пределы дисциплинарности

- в продолжение анализа структуры гуманитарного онтологического пространства продемонстрировать существование областей, в которых возможно существование свободы;

- выявить различие таких областей в зависимости от способа выхода в пространство свободы. В данной работе эти области охарактеризованы как деструктивное и креативное пространства свободы — в силу различия в целях, методах и результатах выхода в эти пространства.

Новизна исследования заключается в построении целостной концепции онтологического понимания свободы.

- В настоящей работе совершается попытка исследования категории свободы применительно не к конкретному человеку или группе людей, а к пространству бытия человека. Гуманитарное онтологическое пространство может характеризоваться различными параметрами, однако в данной работе выделяются основные поля, структурирующие данное пространство и метрицировать их с точки зрения тех характеристик, которые являются значимыми для исследования свободы.

- Три сферы дисциплинарного пространства культуры представлены в виде повседневного, рационального и иррационального, проведен диалектический анализ их с точки зрения не только их дифференциации, но и взаимопроникновения.

---

¹² Там же, с. 214

- Впервые область повседневного рассматривается с точки зрения мифологичности обыденного бытия, проводится параллель между характеристиками повседневного и мифологического сознания, показывается мифологизация обыденной жизни.

- Также в данном диссертационном исследовании анализируется контраста между дисциплинарным пространством культуры и возможностью существования свободы, выдвигается предположение о существовании в гуманитарном онтологическом пространстве областей, несводимых к дисциплинарным полям.

- Выдвигается и доказывается предположение о существовании своеобразного «пространства свободы», выход в которое при определенных условиях позволяет избавиться от закрепощающих факторов дисциплинарного пространства культуры.

- В результате анализа впервые делается вывод о существовании как минимум двух областей, которые могут быть охарактеризованы как деструктивное и креативное пространства свободы, проводится исследование их метрик.

- В рамках исследования основных метрик деструктивного пространства свободы впервые проведен системный анализ безумия, смеховой культуры и социального метафизического бунта как трех взаимосвязанных способов эмансипации.

- Применительно к исследованию креативного пространства свободы показана взаимосвязь творчества и свободы как действия и результата, который, однако, сам имеет процессуальную, а не субстанциальную природу.

Методологическую и теоретическую основу работы составляет совокупность методов, традиционных для онтологии и теории познания, позволяющих выделить, систематизировать и классифицировать традиционные и современные представления о свободе, создать онтологическую концепцию понимания этой категории.

В качестве основополагающего в данном диссертационном исследовании принят метод системного анализа. Такой подход предполагает, возможность, во-первых, конфигурирования объекта исследования в виде онтологической схемы, во-вторых, применения деятельностного подхода к самой исследуемой категории свободы. Уже известное разделение различных теоретических функций деятельности, таких, как категориально-объяснительная, предметная и др.¹³ позволяют выявить закономерности эмансипирующей деятельности человека. Применение диалектических методов системного анализа позволяет раскрыть сущность противоречивых категорий «дисциплинарности» и «эмансипации», обнаружить их имманентность друг к другу: «Сначала разные части и фрагменты... удерживаются... за счет разных пониманий самой ситуации и рождающейся в ней схемы, и все они еще должны быть выявлены ... и уложены в саму схему за счет разных, специально вводимых в нее графем...

---

¹³ См. напр.: Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. М.: Наука, 1978.

Затем все эти графемы... должны быть отнесены в парадигматическую систему деятельности и впервые оформиться и закрепиться в ней либо в виде соответствующих значений языка,.. либо в виде содержания знаний и понятий, удерживающих и фиксирующих *парадигматику мышления*¹⁴.

Важное место в работе занимают методы неклассической рациональности — герменевтический, феноменологический и др. Как показано в диссертации, классическая рациональность не в состоянии разрешить основной парадокс свободы в ее онтологическом понимании, в связи с этим возникает необходимость широкого использования принципов постнеклассической философской парадигмы. Принцип поливариантности дает возможность принимать к рассмотрению различные концепции свободы. Принцип адихотомичности позволяет отказаться от строгих категориальных оппозиций и разрешать противоречия путем допущения одновременной истинности альтернативных вариантов.

Так как в работе широко используются материалы частных наук — как гуманитарных (социология, история, политология, культурология и др.), так и естественных (психиатрия), это необходимо вызвало привлечение специальных методов и междисциплинарных связей.

Теоретическую основу работы составляют труды известных отечественных и зарубежных авторов — философов, культурологов, социологов, психологов, психиатров.

Положения, выносимые на защиту.

1. В рамках классической рациональности онтологическое понимание свободы не разрешает ее основного парадокса, а именно - возможности существования свободы и путей эмансипации в условиях структурированного пространства бытия человека. Философская традиция оперирует категориями дихотомического выбора и преимущественно представляет свободу как наличие возможности такого выбора, причем степень свободы оказывается тем выше, чем большее количество альтернатив представлено. С точки зрения постнеклассической рациональности свобода как фундаментальная характеристика бытия человека представляет собой не субстанциальную, а процессуальную категорию и может рассматриваться только с этой точки зрения.

2. Категория свободы может рассматриваться в онтологическом дискурсе только применительно к определенным образом структурированному пространству бытия человека (онтологическому гуманитарному пространству). Оно может быть структурировано по возможности присутствия свободы как основному параметру и содержит в себе два ключевых структурных компонента — дисциплинарное пространство культуры и пространство свободы.

3. Дисциплинарное пространство культуры метрицируется категориями повседневного, рационального и иррационального, каждая из

---

¹⁴ Щедровицкий Г.П. Схема мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание. В сб. «Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1986. М.:Наука, 1987. С.129.

которых определяет в заданных рамках некое поле бытия человека. Эти поля не являются строго разграниченными, при философском анализе выясняется их взаимопроникновение и определенная расплывчатость границ между ними. Некоторые характеристики этих полей оказываются сходными и взаимоопределяющими.

4. Известное разделение свободы на «свободу от» и «свободу для», на положительную и отрицательную свободу подразумевают существование двух типов онтологического пространства свободы — деструктивного и креативного. Негативная свобода представляет собой разрушение существующих социокультурных связей, рамки деструктивного пространства не предоставляют возможности подлинной эмансипации человека. Положительная свобода не зависит от количества альтернатив выбора, построение креативного пространства свободы определяется самостоятельно заданными целями и представляет собой творческий процесс.

5. Онтологическое понимание свободы отличается от онтической, политической, идеологической трактовки этой категории. В идеологических рамках можно говорить о политической, экономической и т.п. свободе, однако при онтологическом подходе речь идет о парадоксе свободы в рамках дисциплинарного пространства культуры. Построение онтологической концепции свободы позволяет разрешить противоречие между дисциплинарными характеристиками культуры и свободой человека в его бытии.

6. Поля, составляющие дисциплинарное пространство культуры, предоставляют определенные возможности для выхода за его пределы. Способы эмансипации определяют результат такого выхода.

Теоретическая и практическая значимость работы.

Теоретическая значимость проведенного исследования определяется необходимостью онтологического анализа категории свободы как универсального бытийного феномена; значимостью построения новой системы онтологических представлений о свободе. Построение такой концепции позволяет исследовать особенности социокультурных систем и может служить основанием для изучения онтологического статуса человека в этих системах.

Теоретические результаты диссертационного исследования могут быть использованы:

- в сфере высшего профессионального образования в качестве теоретического основания для учебных курсов и спецкурсов по онтологии и теории познания, социальной философии, философии, социологии, истории, политологии;
- в философских разработках, посвященных исследованию проблемы свободы.

Практические результаты диссертационного исследования могут быть использованы в работе культурологов, социологов, политологов, психологов.

Степень достоверности и апробация результатов

Достоверность полученных результатов определяется последовательным анализом значительного числа философских, социологических, культурологических, политологических концепций свободы, соответствием полученных результатов известным современным результатам социальных и естественных наук, а также философских исследований, непротиворечивостью полученных в работе выводов. Основные положения и выводы, полученные в ходе работы над диссертационным исследованием, представлены в выступлениях автора на заседаниях кафедры философии Саратовской государственной юридической академии. По содержанию исследования автором сделаны доклады и научные сообщения, представлены тезисы выступлений на региональных, общероссийских и международных научных конференциях: международной научной конференции «Человек в современных философских концепциях» (Волгоград, 1998), международной конференции «Права человека: пути их реализации» (Саратов, 1999), международной научной конференции «Мир человека: нормативное измерение 2» (Саратов, 2010), научно-практической конференции «Личность в современном мире: жизненные стратегии, ценности, риски» (Саратов, 2011). По теме диссертации опубликовано восемь научных работ, в том числе одна - в издании, включенном в Перечень российских рецензируемых журналов.

Объем и структура работы

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы. Общий объем работы — 101 страница.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность темы и новизна исследования, раскрывается степень изученности проблемы, определяется методология, цели и задачи исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

Глава 1 **«Структурирование онтологического пространства свободы»** состоит из двух параграфов. Первый параграф **«Метрики гуманитарного онтологического пространства»** раскрывает сущность указанного термина, показывая основные поля бытия человека и границы того онтологического пространства, в котором может существовать свобода, и в котором различные, подчас противоречивые определения понятия свободы приобретали бы единый базовый смысл.

При появлении на свет человек изначально задан в качестве пространственного объекта благодаря своему телу. Поэтому первой областью нахождения будет та, которая связана с биологической природой человека, его телесностью. Это то тело, «которому мы принадлежим и ... принадлежало, мы не в силах его присвоить»¹⁵.

---

¹⁵ Подорога В. Феноменология тела, М., 1995. С.8.

При переходе от проблемы телесности к социокультурным отношениям впервые проявляются отношения власти и подчинения, взятые в их непосредственном смысле. Именно в пространстве культуры возникает возможность существования власти, начиная с очень глубоких сущностных культурных феноменов. Для определения границ и постановки метрик этой части гуманитарного онтологического пространства целесообразным представляется рассмотреть наиболее значимые дескрипты в их имманентных характеристиках. На первом месте среди подобных метрицирующих факторов будут стоять три взаимосвязанные, переходящие друг в друга, но все же относительно независимые категории, охватывающие человека и описывающие его бытие в пространстве культуры - иррациональное, рациональное и повседневное.

Второй параграф **«Возможность существования свободы в пределах дисциплинарного пространства культуры»** посвящен раскрытию противоречия между пространством культуры, которая представляет собой механизм закрепощения человека путем постановки многочисленных рамок и ограничений, и возникновением в нем эмансипирующих процессов.

Очевидно, что в рамках дисциплинарного пространства культуры существование свободы в ее онтологическом смысле является парадоксом. Однако, несмотря на это, в философской традиции вопрос о свободе именно внутри такого пространства поднимался на протяжении столетий. В современной философии понятие свободы, взятое как возможность ее присутствия, рассматривается чаще всего в двух смыслах - свобода как политическая категория и «внутреннее ощущение свободы человеком», т.е. психологическая свобода. И в первом, и во втором случае следует дифференцировать конкретно-ситуативное понимание свободы и свободу как онтологическую категорию. Свобода многолика, однако, как было показано в начале работы, ее различные образы проявляются как в конкретных ситуациях человеческой жизни, так и в представленности человека в бытии. Рассмотрение отдельных аспектов и видов свободы (в первую очередь — свободы политической) позволяет четче дифференцировать различие между этими ключевыми для данного исследования категориями.

Глава 2 **«Пространство свободы и условия ее достижения»** также состоит из двух параграфов. Выход за пределы дисциплинарного пространства культуры на первый взгляд представляется практически невозможным, и говорить о свободе в этом случае можно только в рамках вышерассмотренных аспектов этого понятия, а именно — в рамках политической и психологической свободы. Социокультурные связи, пронизывающие все пространство бытия человека и составляющие внутреннюю структуру дисциплинарного пространства, являются тотальными и универсальными. Однако при более внимательном рассмотрении можно обнаружить такие сферы человеческого бытия, в которых эти связи оказываются ослабленными, видоизмененными или вовсе отсутствующими. Обнаружение таких сфер, исследование их метрик — это задача второй главы. Представляется возможным выделить как минимум два

типа таких областей. В качестве основного критерия различия между ними мы предлагаем взять наличие или отсутствие возможности построения альтернативных связей, отличных от традиционных социокультурных связей дисциплинарного пространства культуры. Отсюда можно предложить различение деструктивного и креативного пространства свободы.

Первый параграф *Метрики деструктивного пространства свободы* посвящен анализу способов достижения негативной свободы, основанной только на разрушении закрепощающих связей. Под деструктивным пространством свободы в данной работе понимается сфера человеческого бытия, в которой отсутствуют традиционные закрепощающие социокультурные связи, что рождает иллюзорное ощущение свободы, однако их место занимают иные связи, менее заметные, но не менее значимые. Связь человека с окружающим миром в таком случае оказывается в значительной мере видоизмененной, а порой — патологической, именно в силу этого человек, будучи уверенным в собственном контроле за построением таких связей, оказывается закрепощен не менее, а зачастую - более сильно, нежели в системе традиционных социокультурных связей. В качестве метрик такой сферы бытия рассматриваются следующие:

1. Безумие.
2. Смеховая антикультура.
3. Социальный бунт.

Второй параграф *«Креативное пространство свободы»* посвящен анализу творчества как единственного подлинно эмансипирующего фактора. Оппозиция «несвобода — творчество» встречается в философской литературе достаточно часто. Исходя из приведенной оппозиции, можно предположить, что пространство творчества и пространство свободы совпадают и обладают рядом общих характеристик: «...необъектные, безусловные, спонтанные, уникальные существования, характерные для сферы свободы, сферы творчества»¹⁶. Метрицировать в полном объеме это поле свободы невозможно, поскольку само понятие творческого акта предполагает создание нового, того, что не может быть приведено к уже имеющемуся. Однако возможность вычленить хотя бы некоторые метрицирующие факторы все же имеется. Современные философские подходы позволяют рассматривать любой креативный акт как процесс создания нового текста, устанавливающий не существовавшие ранее связи и отношения. Обратившись к таким творческим процессам, как искусство и литература, можно рассмотреть механизмы эмансипации и проанализировать их с точки зрения трансцендентального перехода из дисциплинарного пространства культуры в креативное пространство свободы. Результатом такого анализа должно стать подтверждение или опровержение метрик креативного пространства свободы.

---

¹⁶ Невважай И.Д. Свобода и знание. Саратов, 1995. С. 15.

В *Заключении* диссертации подводятся общие итоги исследования, формулируются выводы и намечаются перспективы дальнейших исследований по теме.

По теме диссертационного исследования опубликовано 8 научных работ.

Публикации в изданиях, входящих в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук:

1. Кащеев, С.И. Онтологическое понимание свободы: философско-правовой аспект / С.И. Кащеев // Вестник Саратовской государственной академии права. — 2013. — №3 (92). — С. 22—25.

Публикации в других изданиях:

2. Кащеев, С.И. Дифференциация понятий «свобода» и «воля» / С.И. Кащеев // Человек в современных философских концепциях. Материалы международной научной конференции. — Волгоград, 1998, С. 124—127.
3. Кащеев, С.И. Творчество как процесс актуализации свободы / С.И. Кащеев // Международная академия психологических наук. №2 — Вопросы психологии творчества. — Саратов, 1998. — С. 11—14.
4. Кащеев, С.И. Смысл повседневности / С.И. Кащеев // Международная академия психологических наук. — № 12. Вопросы практической психологии. — Саратов, 1998. — С. 32—36.
5. Кащеев, С.И. Уровни актуализации свободы (телесный, личностный, социокультурный) / С.И. Кащеев // Права человека: пути их реализации. Материалы международной конференции. — Саратов, 1999, — С. 104—105
6. Кащеев, С.И. Метафизический бунт как способ выхода за пределы пространства повседневности / С.И. Кащеев // Философия и психология власти: структура, личность, интерконтекстуальность. — Сборник научных трудов. — Саратов, 2003. — С. 52—63.
7. Кащеев, С.И. Письменность как критерий деления цивилизаций / С.И. Кащеев // Мир человека: нормативное измерение 2. Сборник трудов международной научной конференции. — Саратов, 2010.— С. 90—94.
8. Кащеев, С.И. Риск, свобода, пассионарность / С.И. Кащеев // Личность в современном мире: жизненные стратегии, ценности, риски. Материалы научно-практической конференции. — Саратов, 2011. — С. 38—41.